

Глава 21

Когда Чэн Янь вернулся в поместье, до ужина было ещё далеко — солнце едва начало клониться к закату.

Семья Чэн баснословно богатела с каждым годом. Глава дома, Чэн Цайцзюнь, не отличался глубокими познаниями в классической литературе и в грош не ставил книжные заповеди о воздержании. Для него сын, несмотря на все ругательства, оставался сокровищем. Он тут же распорядился накрыть на стол, и вскоре перед Чэн Янем, восседавшим в гордом одиночестве, красовалось едва ли не десяток блюд: отборные деликатесы из лесной дичи и даров моря.

Цайцзюнь по-хозяйски приобнял его за плечи, усаживая, и зычно провозгласил:

— Ну, Янь-эр, проголодался, бедняга? Ешь, ни в чём себе не отказывай!

Затем он небрежно ткнул пальцем в двух служанок:

— Чуньхуа, Цююэ, ну-ка, подавайте молодому господину! А, нет, погодите... Лучше позову парней. Эй, кто-нибудь!

— Хватит уже, отец. Дайте мне поесть спокойно, — нетерпеливо бросил юноша и, не дожидаясь помощи, принялся за еду.

Глава семьи питал к старшему сыну противоречивые чувства: мог избить до полусмерти в порыве гнева, но стоило ярости утихнуть — и он снова принимался баловать его сверх меры. Неудивительно, что в такой атмосфере прежний владелец тела вырос существом в высшей степени прескверным.

Вместо того чтобы обидеться на резкость, Чэн Цайцзюнь лишь расцвёл в улыбке и закивал:

— Хорошо, хорошо. Кушай, сынок, кушай.

Он распорядился, чтобы слуги стояли наготове, и лишь после этого оставил сына в покое.

«Это он сына растит или божество на алтаре ублажает?»

Чэн Янь покачал головой, не зная, сочувствовать отцу или смеяться над ним.

Он действительно изрядно проголодался: сначала осушил миску густой похлебки с морепродуктами, затем прикончил жирную гусиную ножку, и лишь когда желудок наполнился наполовину, принялся неспешно очищать креветки.

Семья Чэн владела сетью постоянных дворов и ресторанов, так что повара в поместье знали своё дело. Чэн Янь не смог устоять перед искушением и ел с таким упоением, что в голове то и дело всплывали восторженные мысли о мирских радостях.

Стоявший рядом молодой слуга заплетающимся языком предложил:

— Мол-лодой господин... Позвольте, я очищу для вас креветки?

Юноша лениво отмахнулся:

— Не нужно, сам справлюсь.

Голос слуги тут же стал жалобным:

— Господин, неужто вы... решили прогнать меня?

Рука Чэн Яня дрогнула, и очищенная креветка едва не улетела в кучу панцирей.

— Ты что такое несёшь? Я всего лишь не даю тебе чистить еду, а ты причитаешь так, будто я тебя соблазнил и бросил.

С этими словами он обернулся и, взглядевшись в знакомое лицо, вспомнил:

— А, это ты. Спасибо, что помог мне утром выбраться через окно. Отец тебя сильно наказал?

Мальчишка торопливо вытер слезы и затряс головой:

— Что вы, что вы! Всё по моей вине, господин. Из-за меня вы забыли кошелёк. Вот он, здесь всё до единого медяка!

С этими словами он протянул Чэн Яню увесистый мешочек. Тот привычным жестом подхватил его и закрепил на поясе.

— Ладно, я на тебя не в обиде.

Утолив первый голод, он спросил:

— А где Чэн Цзинь?

— Второй молодой господин весь день просидел за книгами, сейчас он в главном зале, — слуга понизил голос до шепота и доверительно добавил: — Поговаривают, это он наябедничал хозяину, что вы в «зелёном тереме» задержались.

Чэн Янь вытер руки, ополоснул их в чаше с водой и поднялся:

— Пойдём, навестим нашего праведника.

Слуга семенил следом, стараясь не отставать ни на шаг.

В главном зале Чэн Цайцзюнь как раз расспрашивал младшего сына об успехах в учебе.

Чэн Цзинь был сыном наложницы Хуа. В детстве он считался лишь бастардом, ютившимся на задворках, но когда ему исполнилось десять лет и его мать стала законной супругой, он также получил статус законного сына.

Будучи на год младше Чэн Яня, он всю жизнь находился в тени старшего брата. Лишь начав обучение, Цзинь почувствовал вкус превосходства. Однако суровое воспитание матери сделало его нелюдимым и угрюмым, так что особой любви отца он так и не снискал.

К тому же Чэн Цайцзюнь, не смысливший в науках, совершенно не ценил достижений младшего сына. Юноша мог написать блестящее эссе, но отец всё равно ничего бы не понял. Зато если Чэн Янь умудрялся выучить пару лишних иероглифов, Цайцзюнь от радости готов был осушить не одну флягу вина.

Едва Чэн Янь переступил порог зала, он услышал слова младшего брата:

— В следующем месяце в академии состоится важный Ежемесячный экзамен (Юэши). Поговаривают, сам цзюньтайшоу пришлёт своих людей. Те, кто проявит себя, могут рассчитывать на его покровительство!

Глава дома тут же оживился. Одно дело — владеть ресторанами в Битани, и совсем другое — получить доступ к самому господину цзюньтайшоу, правителю округа.

— О? И как, у тебя есть шансы, Цзинь-эр?

Чэн Цзинь замялся, не зная, что ответить. Тогда Чэн Янь уверенно шагнул вперед и провозгласил:

— Наш второй брат так умен, что непременно займет первое место!

Цзинь, не заметивший появления брата, вздрогнул и неохотно буркнул:

— Брат, не носи чепухи.

Однако отец воспринял это всерьез и насел на младшего:

— Цзинь-эр, так что скажешь? Первое место нам светит?

Юноша почувствовал себя крайне неловко.

— Отец, в академии полно талантов. Всё зависит от тем, которые выберут для экзамена. Я... я постараюсь войти в тройку лучших.

Сказав это, он, воспользовавшись тем, что Чэн Цайцзюнь отвернулся, яростно зыркнул на Чэн Янь и добавил:

— Этот экзамен только для учеников высшего класса. Я бы советовал брату и вовсе на нём не показываться. Зачем злить цзюньтайшоу своими безграмотными каракулями?

Оба брата числились в классе «Цзя» — высшем разряде, но если Цзинь попал туда благодаря своим знаниям, то Чэн Янь — исключительно благодаря отцовским деньгам.

Услышав это, глава дома обеспоенно посмотрел на старшего сына:

— Янь-эр, может, тебе и впрямь лучше взять отгул в тот день?

Чэн Янь усмехнулся, глядя в упор на брата:

— Чэн Цзинь, ты так не хочешь видеть меня на экзамене, потому что боишься, что я вышвырну тебя из первой тройки?

Второй брат не разозлился, напротив — он расхохотался прямо в лицо собеседнику:

— Что за бред ты несешь? Тебе мало позора, который ты уже навлек на нашу семью?

— Первое место достанется Чу Вану, второе — Мэн Чэньхуэю, а третье — мне. Хотя нет... Пожалуй, я возьму второе, чтобы составить достойную пару первому, — Чэн Янь говорил с таким видом, будто победа уже была у него в кармане, и даже принялся загибать пальцы.

Цзинь не расслышал последних слов, но сама наглость брата вывела его из себя:

— Ты в своем уме?! Ты и второе место? Да это же курам на смех!

— А давай поспорим? — предложил Чэн Янь.

— Никаких споров в моем доме! — это подал голос отец.

— На что спорим? — это одновременно с ним выкрикнул Цзинь.

Чэн Цайцзюнь уже потянулся за метелкой из перьев, намереваясь проучить наглеца:

— Опять за старое?! Решил азартные игры в дом притащить?

Юноша мгновенно отпрыгнул и нырнул за спину наложницы Хуа. Опыт — великая вещь: он использовал мачеху как щит, не испытывая ни малейших угрызений совести.

— Отец, это же просто невинное пари! В академии все так делают, даже самые прилежные ученики ставят на кон разные мелочи.

— Правда? — рука с метелкой замерла в воздухе.

Стоило сослаться на порядки в академии, как Чэн Цайцзюнь тут же сдавался. Чэн Янь уверенно закивал:

— Разумеется!

Глава дома повернулся к младшему сыну:

— Он не врет?

Прежде чем Цзинь успел вставить хоть слово, Чэн Янь перехватил инициативу:

— Кстати! Чэн Цзинь, это ведь ты напел отцу, что я был в «зелёном тереме»? Сам-то струсил пойти, вот и решил наябедничать. Как не стыдно!

Младший брат покраснел до корней волос:

— Кто... кто это стыда не знает?!

— Не хочешь — не ходи, дело твоё. Но бежать к родителям с доносом — это просто жалко. Тебе

самому не противно?

Чэн Цзинь вспыхнул от негодования и процедил сквозь зубы:

— Ходить по таким местам — само по себе позор! Я сказал отцу правду, и точка!

— Мы с Чу Ваном обсуждали там важные дела, а ты всё испортил. Как собираешься искупать вину?

Яростное выражение лица младшего брата сменилось полным недоумением.

— Чу Ван?.. Он... он был с тобой в «зелёном тереме»?! — выдохнул он, не веря своим ушам.

Чэн Янь кивнул с самым будничным видом:

— Ага. Не веришь — пойди и сам у него спроси.

Разумеется, Цзинь не верил. Но и представить себе, что он пойдет допрашивать Чу Вана о таких вещах, было невозможно. Видя непоколебимую уверенность брата, он лишь растерянно пробормотал:

— Да быть такого не может... Чу Ван никогда бы не пошел в подобное место...

Чэн Янь, ни капли не смущаясь тем, что безжалостно порочит честное имя книжника, бросил:

— С тобой бы не пошел, это верно. Но со мной — совсем другое дело.

— Этот Чу Ван... Кто он такой? — встрял в разговор отец.

«Ваша невестка», — пронеслось в голове у Чэн Яня.

Цзинь поспешил объяснить:

— Самый талантливый ученик в нашем классе. Учителя души в нём не чают, его эссе ставят всем в пример. Он... он всегда презирал бездельников. Стал бы он якшаться с братом!

— А почему нет? — парировал Чэн Янь. — Мы сегодня полдня вместе за книгами просидели. Чу Ван высокого мнения о моих способностях. Он сказал, что если я возьмусь за ум, то вполне смогу занять первое место.

Видя, что старший брат заврался окончательно, Чэн Цзинь не выдержал:

— Хватит нести околесицу!

Но Чэн Цайцзюнь, всегда считавший своего первенца непризнанным гением, которому просто лень учиться, буквально просиял:

— Неужто правда?!

Юноша серьезно кивнул:

— Отец, не беспокойтесь. Даже если Чэн Цзинь не попадет в тройку, я там буду обязательно!

Цайцзюнь замахал руками:

— Ничего, ничего, мы не торопимся! Учись прилежно, шаг за шагом! — он улыбался так, будто уже видел сына в чиновничьем халате.

Затем он строго посмотрел на младшего:

— Цзинь-эр, впредь не смей доносить на брата. У него в академии дела, знакомства, приличия требуют участия в таких встречах. Тебе бы тоже стоило поучиться у него общительности.

Чэн Цзинь лишился дара речи.

— Но я...

— Кстати, отец, мне нужны деньги, — быстро ввернул Чэн Янь, не давая брату вставить ни слова.

Чэн Цайцзюнь тут же откликнулся:

— Сколько? Скажи наложнице Хуа, пусть выдаст.

Юноша на мгновение задумался, прикидывая в уме.

— Триста лянов хватит.

Триста лянов — огромная сумма, на которую обычная семья могла безбедно жить целый год.

Но глава дома даже глазом не моргнул.

— Бери, сколько нужно, — распорядился он.

— Спасибо, отец! Пойду, пожалуй, за уроки сяду!

Чэн Янь победно развернулся к выходу. Заметив, что лицо брата позеленело от злости, он с притворным сочувствием бросил:

— Что, второй брат, совсем на мели? Может, тебе подкинуть денжат по-родственному?

— Не... не нужно! Мне не интересны бранные богатства! — выкрикнул Цзинь и, взмахнув широкими рукавами, поспешно скрылся.

Мать с детства внушала ему, что он должен быть бережливым и добродетельным. Каждый раз, когда Чэн Янь выманивал у отца деньги на кутежи, младший брат с благородным видом заявлял, что ему нужны лишь кисти да бумага. Но со временем он начал подозревать, что советы матери — путь в никуда. Семья была сказочно богата, Чэн Янь сорил деньгами направо и налево, а он, Цзинь, вынужден был играть роль нищего праведника. Его ежемесячное содержание было настолько скудным, что окружающие начинали сомневаться, действительно ли он — второй сын дома Чэн.

Старший брат презрительно фыркнул:

— Чистоплюй.

И, словно решив окончательно добить его, он крикнул вслед уходящему:

— Так что, спорим на тройку лучших?! Если ты войдешь в неё, я дам тебе пятьсот лянов! А если я — то ты, как человек небогатый, просто выполнишь одну мою просьбу!

Чэн Цзинь в ярости обернулся, едва не подпрыгивая на месте:

— Сдались мне твои деньги!

Чэн Янь лишь иронично вскинул бровь.

Отец примирительно махнул рукой:

— Ладно тебе, Цзинь-эр не по этим делам. Не изводи его.

Если бы младший брат это слышал, он бы наверняка лопнул от злости.

— И ты, Янь-эр, не зарывайся. Я не требую от тебя великих свершений на экзамене. Главное — не оказаться в самом хвосте, — Цайцзюнь трезво оценивал способности сына: в лучшем случае тот был не глупее его самого.

Юноша согласно кивнул:

— Понимаю, отец. Знаете, после этого экзамена я бы хотел начать учиться вести наши дела. Вы уже немолоды, пора бы мне взять часть забот на себя.

Глава дома посмотрел на него с нескрываемым подозрением:

— Неужели? Опять что-то задумал, негодник?

— Разве вы не об этом всегда мечтали?

Лицо отца мгновенно преобразилось, в глазах мелькнула искренняя гордость.

— Янь-эр... Ты и впрямь повзрослел. Хорошо! Обещаю, после экзамена мы вместе займемся делами...

— Господин! — поспешно вмешалась наложница Хуа. — Дела в ресторанах — штука непростая. Быть может, стоит и Цзинь-эру начать учиться вместе с братом?

— Мачеха, второй брат — человек науки. Как можно осквернять его руки такими приземленными делами?

Чэн Цайцзюнь согласно закивал, уже рисуя в воображении картины блестящего будущего:

— Верно говоришь! Янь-эр унаследует моё дело, а Цзинь-эр сдаст государственные экзамены и станет большим чиновником. Вот тогда наш род Чэн расцветет по-настоящему!

Наложница Хуа лишилась дара речи.

«Старик тот ещё мечтатель... Совсем не понимает, на что способны его сыновья», — Чэн Янь лишь загадочно улыбнулся и промолчал.